

Во спасение души

Стыдно сказать, но, как и многие, считала: инструктор военизированной пожарной охраны – профессия малоинтересная. А она десятки лет отдала этой работе.

Для многих было неожиданностью, когда она написала роман, который издан уже дважды. Несколько ее рассказов опубликовано в журналах. Не так давно закончен еще один роман – фантастический.

Уже одно это вызывает у меня восхищение и удивление. А несколько лет назад, побывав у нее в гостях, увидела, что она еще и художница. Совершенно необыкновенная, создающая полотна нитью.

- Почему именно нитью? – спросила я.

- Нитка тоньше всякой кисти. Ею можно повелевать, как хочешь...

И если бы видели вы эти пейзажи! Этот осенний лес! Или осенний луг! Когда в 60-е годы она представила их на выставку произведений ангарских художников, услышала от профессионалов: все в ее работах подчинено законам живописи. А она и не думала и не знала об этом. За вышивание бралась тогда, когда больше ничего в руки не хотелось брать. Ни о чем другом думать не могла. Тогда, как говорила ее бабушка, приспичит, как родить. А бабушка была, хоть и неграмотная, но мудрая и добрая женщина, жила всегда для людей: «Вставала рано. Свиней, кур накормит, отца на работу соберет, нам косички заплетет – и пошла по деревне, туда – по одной стороне улицы, обратно – по другой. Чуть не в каждый дом зайдет. Тут лечит, тут советует, тут ругает, тут мужа с женой мирит, грыжу малышу заговаривает, роженицу проведает. А по весне в лес, за травкой, от каждой болезни у нее была травка, все мне говорила: «Запоминай!» – да только зачем мне, девчонке, это надо было!». Дед, тот еще интереснее был. По молодости ямщиком лихо гонял тройку почтовую, а в старости в сторожа подался: «...Бывало, сторожить собирается, тулуп уж наденет, а мы к нему: «Дедка, сначала сказку расскажи». Покуражится, потом сядет на порог и говорит-говорит. И вдруг оборвет: «Все!» Мы: «А дальше?» – «Завтра!» – скажет и пошел. Я догадывалась, что он сам сказки сочинял во время ночных дежурств».

Отец по дереву был мастер. Дом построить, туфли жене сшить по собственной колодке, мебель соорудить – шкаф, буфет, скамейки – никого просить не надо. Еще любил читать книжки вслух детям. А то возьмет балалайку, а они выскочат на середину избы – и в пляс босиком да с припевом.

Вот где они, корешки ее таланта! С молоком родительским впитались. Как и трудолюбие буквально на износ.

Я побывала у нее недавно и поразилась, как она сумела в своей крохотной однокомнатной квартире «разместить» и рабочий кабинет с огромным количеством книг, печатной машинкой, и уголок отдыха, и спальный уголок. Ковер на стене – собственная фантазия, выдумка и воплощение: вышивка на голубом плюше. Еще одно произведение искусства, каких не сыщешь нигде!

Она никогда не любила копировать. Давно, когда взялась за первую «картину» с иголкой в руках, решила повторить на ткани пейзаж с репродукции из «Огонька». Бросила на середине – скучно, неинтересно. Давай заново, по-своему «рисовать» нитью. Закончила. Но не любила эту работу, подарила ее потом. Она вообще любит дарить.

Вторую «писала из головы» – на полотне сосна нависла над водой. Закончила, а свекровь, женщина малограмотная, глянула: «Все хорошо, но человека не видно». Снова взялась за полотно, и вот уже стежки превратились в тропинку. Самого человека нет, но присутствие его чувствуется. Подарила потом эту картину, спустя время решила повторить – для себя. И теперь уже вместо тропинки недалеко от сосны появились пни от срубленных деревьев. Собственно, получился совсем другой пейзаж, с другим настроением.

Вообще, интересное выражение услышала от нее: «Картины – боль моя. Они издеваются надо мной. Не дают покоя, заставляют мучиться». Взялась-таки она и за кисть. Большое полотно висит на стене не один уж год. Снимет, несколько мазков наложит – опять повесит: то над водой мучается, то над облаками – одно сделает, другое не нравится. То, смотрит, копна в углу слева плоская получается – ее «оживляет»; копна «ожила» – тень на кустарник больно густая падает. И так, не меньше десятка лет уж действительно мучает ее эта картина. Но все равно такая работа, сказала она, во спасение души. И вовсе не важно, как она получится. Главное – душа постепенно успокаивается за работой.

Без сомнения, тут не без дара и от Бога, хоть и она же сказала: люди все талантливы, надо помочь им самовыразиться. Ей повезло – в семье удивительно интересной росла. Оттого уже в школе активисткой была.

Дальше – больше. В Ангарске в первые годы в театр пришла – тот самый, который впоследствии стал народным, во Дворце культуры нефтехимиков. И у себя на работе в пожарной охране организовала театр. И писала сценарии, и ставила спектакли, и ездила со своей маленькой труппой на «местные гастроли» по деревням вокруг Ангарска. А потом – семья, дети, которые требовали и внимания, и заботы.

Годы пролетели молнией. Думала, на пенсию пойдет, все успеет. Да где там! Литературой так заболела, что не впродых. И если бы только сама писала! Городское литературное объединение – ныне писательская организация – давно трудно представить без нее: с молодыми терпеливо работает. Бывает, на ее 18 квадратных метрах собираются по 15-20 человек. Пьют кофе или чай и обсуждают стихи (сама тоже пишет и стихи) и нередко спорят до глубокой ночи.

Я уходила от нее, а она спешила в школу проводить урок «День Родины».

И все это одна женщина, которая многие годы еще и внештатный корреспондент нашей газеты. Член Союза писателей страны. **Любовь Ивановна Щедрова**. Женщина для меня многие годы – загадка.

Барманова Н.
Время. – 1993. – 5 янв. – С. 2.